

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах Том шестой.
Сибирские рассказы. Рассказы, повести 1893-1897.
Золотопромышленники // "Правда", Библиотека "Огонек", М., 1958
FB2: "rvvg", 11 October 2013, version 1.0
UUID: D3F86F8F-80D9-43E2-A6EA-30DE4E65E78B
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Таинственный незнакомец (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирурги-

ческой академии. В поисках заработка он с 1874 г. становится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ. В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0011
III.....	.0020
IV.....	.0029
V.....	.0037
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0049

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Таинственный незнакомец
Очерк

Откуда он явился на Симские промыслы, так и осталось неизвестным... А всякая неизвестность пугает, как пугала она и обитателей знаменитых золотых приисков. Ясно было одно, именно то, что он бессовестный и нахальный человек. Достаточно было взглянуть на это круглое, румяное лицо с выкаченными серыми глазами, на вечную улыбку жирных, чувственных губ, на легкую лысину, говорившую о бурной молодости, на подкрашенные усы, вытянутые шильцем, на эти перстни и булавки, которые блестели самым подозрительным образом, — словом, все в нем располагало к недоверию, и сам он являлся диссонирующей нотой в сложившейся мелодии приисковой жизни. Даже это русское имя — Иван Семеныч Михайлов, — и в нем звучала какая-то скрытая фальшь и заставляла приисковых скептиков многозначительно качать головой.

— Пусть я издохну шестнадцать раз с разом, — говорил старик Чиков, — если этот Михайлов не оборотень... Разве такие Михай-

ловы бывают?.. Нет, голубчик, не на таковых-то напал... Какой-нибудь Попандопуло, Кацман, Пшицкий, а тут — Михайлов, шалишь, брат... И в ведомостях давно печатают вот про этаких-то Михайловых: один банк обокрал, другой богатую старушку зарезал, третий... все Михайлов! Нет, брат, дудки...

Худощавое, морщинистое лицо Чикова краснело от волнения, и он начинал рубить воздух руками. Слушатели безмолвно соглашались с опытным человеком, перебирая в уме бесстыжие глаза незнакомца, его усы шильцем, нахальную улыбку, фальшивые брильянты и вообще весь фальшивый вид. Ведь Чиков жил на промыслах лет двадцать, со дня их открытия, потом Чиков читал всякие «ведомости», как в глуши называют газеты, наконец, сам он был тоже из проходимцев, с очень сомнительным прошлым, — такие люди не ошибаются. Нужно сказать, что золотопромышленники не обязаны быть праведниками, и общественное мнение здесь не отличалось особенной придирчивостью. Да и какая публика набралась на Симских промыслах: выгнанный со службы по третьему

пункту исправник Касаткин, сомнительный доктор богословия Скотт, еще более сомнительный полковник Охапенко, купеческий брат лучших и т. д.

Может показаться странным, что представители такого «смешанного общества» отнеслись с таким недоверием к таинственному незнакомцу Михайлову, но здесь мы наталкиваемся только лишний раз на старую, как наш грешный мир, истину, что в других каждый подозревает и ненавидит свои личные недостатки и пороки. Впрочем, было одно обстоятельство, которое, так сказать, давало таинственному незнакомцу права гражданства на Симских промыслах, — это артистическое умение сдавать карты... Раньше безусловное преимущество в этом отношении принадлежало Касаткину, который из любви к искусству проиграл даже казенные деньги, но он, уволенный по третьему пункту исправник Касаткин, оказался пред таинственным незнакомцем просто мальчишкой и щенком. Именно за карточным столом незнакомец являлся совсем другим человеком и даже как будто стыдился проявлять свое превосходство

в полном объеме, а присущие ему фальшь и нахальство переходили в девичью скромность. Это обстоятельство положительно смущало всю почтенную компанию, и даже чувствовалось некоторое колебание: сила — везде сила. Может быть, именно поэтому Чиков особенно и нападал на незнакомца, чтобы предупредить всякую возможность реакции.

— Нет, вы посмотрите, какие у него руки, — задумчиво говорил Охепенко:— белые, нежные, как у женщины. И какие мягкие... А когда он сдает, карты сами летят. Ей-богу!..

— Шулер! — спорил Чиков. — А то просто фокусник с ярмарки.

— А как вы находите розовую жемчужину у него в галстуке? Если бы фокусники имели средства на такую роскошь, то и я пошел бы в фокусники...

Руки у незнакомца действительно были замечательные: длинные, белые, с прекрасными розовыми ногтями, — так что Капитолия Марковна, сожительница Скотта и единственная дама на промыслах, начала уверять всех, что этот Михайлов, наверно, акушер. Ведь сама Капитолия Марковна це-

лых два года пробыла на фельдшерских курсах и отлично знала, какие руки у акушеров.

— Ну, уж вы, Капитолипа Марковна, кажется, того... — заметил Чиков, не ожидавший такого оборота. — Конечно, есть и акушеры Михайловы, да только у нас-то не родильный дом, сударыня. А руки, действительно... Уродится же этакий человек, подумаешь!..

А фальшивый человек, видимо, не хотел обращать никакого внимания на общественное мнение Симских промыслов; мало того, он обнаружил несомненные признаки основаться здесь попрочнее. Был куплен дом, привезли откуда-то дорогую мебель, и даже появился рояль. Это был первый рояль на Симских промыслах, и этого было достаточно для новых толков и всевозможных предположений. Для чего Михайлову рояль? Если есть рояль, то должен быть и тот, кто играет на нем. Конечно, Михайлов отлично сдавал карты, и руки у него были, как у акушера, но это еще не значило, что он сам будет играть на рояле. В тумане этих предположений промелькнула сама собой тень неизвестной женщины. Да, именно женщины, которая не сегодня — завтра должна была явиться на промысла. Это было верно, как то, что завтра взойдет солнце.

— Какая-нибудь арфистка... — решила Капитолина Марковна.

Полковник Охапенко задумчиво покручи-

вал усы и повторял про себя: «Мы знаем, что такое за штука фортепьяно... да». У бывшего исправника Касаткина, когда говорили о женщинах, являлось какое-то особенно вороватое выражение в глазах, и только один доктор богословия Скотт оставался равнодушным, потому что он совершенно растворялся в одной своей Капитолине Марковне. Как единственная женщина на промыслах, эта последняя приняла загадочно-оборонительный вид: до сих пор она не знала соперниц, а тут вдруг целый рояль на голову свалился... Нужно заметить, что этот рояль являлся для Капитолины Марковны чем-то вроде личного оскорбления, потому что сама она ни на какой «музыке» не играла и вперед испытывала чувство самой жгучей зависти к неведомой сопернице.

— Какая-нибудь мерзавка... — повторяла она. — Посмотрим!..

Но мы еще ничего не сказали о самих промыслах, которые занимали довольно обширную площадь в отрогах Южного Урала, по берегам горной речки Сима. Золотое дело здесь утвердилось давно и постоянно привлекало к

себе предпринимателей. Слава Симских промыслов то поднималась, то падала. Одни разорялись, другие богатели, третьи оставались загадочным неизвестным — этих последних было больше. Чем они существовали, зачем толклись на промыслах и на что рассчитывали — все это являлось загадкой и для них. Главными двигателями служили привычка к бродяжничеству и какая-то необъяснимая надежда на то, что вот — погодите немного — дела поправятся и тогда... Что будет «тогда», было ясно для всех. Богатство заслоняет всякое прошлое, и каждый из теперешних промышленников с благородным негодованием отвернулся бы от своих вчерашних друзей. Около золота вертелись все помыслы и желания, — ведь оно было тут, под ногами, и только недоставало счастливого случая, чтобы его зять. Главное — счастье... А пока не было своего золота, симские золотопромышленники скупали чужое, которое воровали рабочие на других приисках, и на этом поприще пользовались довольно громкой популярностью.

По наружному виду, как все прииски, Сим-

ские промыслы решительно ничего внушительного собою не представляли; несколько заброшенных шахт, отвалы пустой породы и промытых песков, в двух местах деревянные бараки над новыми шахтами, пробные ямы и канавы не могли служить особенно удачным материалом для картины. Собственно «жительство» сгруппировалось на мысу, где стояли дома главных золотопромышленников, казармы для рабочих и лепились старательские балаганы. Крутом расстилалась степь, уходившая волнистой линией из глаз, и только на западе синевато-серой глыбой грузно лежала гора Самородка.

Дом, в котором поселился таинственный незнакомец, стоял особняком. Он был построен разорившимся золотопромышленником Тузовым и пустовал лет десять. Теперь он сразу ожил: поправляли крышу, выводили стеклянную галерею и даже разбивали по плану небольшой садик. Вообще предвиделось что-то необычайное, тем более, что Михайлов готовился возобновить шахту № 6, на которой уже разорилось четверо. Это было безумием. Общую сенсацию увеличило еще то, что на

промыслы привезли паровую машину. Это был он же, таинственный незнакомец, который хотел повести дело по-новому, в больших размерах.

— Вылетит в трубу, — решили единогласно все, хотя в то же время общая подозрительность усилилась. — Кто старые шахты подымает? Да лучше десять новых пробить... Кажется, дело известное.

Если Капитолина Марковна была лично обижена роялем, то остальные еще более задеты были паровой машиной: что, они разве глупее его, Михайлова?.. Паровых машин не выкупишь, а у них дело старинное, кондовое...

Сам Михайлов по-прежнему оставался загадкой: свежий, вежливый, веселый, точно он вернулся из какого-то далекого путешествия к себе домой. По вечерам он завертывал то к тому, то к другому, а потом пригласил к себе, причем особенно настаивал на согласии Капитолины Марковны и, когда та после некоторого ломания изъявила свое согласие, поцеловал у ней руку.

— Скажу вам по секрету, Капитолина Мар-

ковна, что я жду одну особу... — с очаровательной интимностью заметил он, слегка прищуривая один глаз. — Впрочем, вы сами увидите. А пока я на биваках...

Эта откровенность обезоружила Капитолину Марковну, точно она сделалась сообщницей таинственного незнакомца и сразу встала на его сторону. В самом деле, ведь он открыл свою душу не кому-нибудь другому, а именно ей: дело, очевидно, шло о таинственной женщине, которая имела появиться на промыслах.

Осмотр квартиры нового золотопромышленника произвел на всех сильное впечатление: обстановка для промыслов была совсем роскошная, так что рояль совсем терялся среди других вещей. Исправник Касаткин сделал всего одно замечание: именно, что одна комната оставалась запертой, а в ней-то и заключался весь секрет.

— Это доказывает только, что он порядочный человек, — таинственно заметила Капитолина Марковна. — Семейный дом не казарма, чтобы показывать все и всем...

В общественном мнении незаметно появи-

лась скрытая рознь — это все чувствовали. Прежнего единодушия уже не было, и полковник Охепенко, задумчиво покручивая усы, говорил: «А кто его знает, может быть, этот Михайлов и порядочный человек...» Полковник еще сам не верил этому, но уже желал верить, что возмущало неистового старика Чикова больше всего.

Однажды вечером, когда вся компания играла в карты у Капитолины Марковны, под окнами прозвенел почтовый колокольчик и грузно прокатился тяжелый экипаж.

— Это ко мне... — равнодушно заметил Михайлов, не оставляя карт.

Капитолина Марковна не утерпела и, закрывшись шалью, сама побежала посмотреть, кто приехал. Экипаж стоял у крыльца, а из него с трудом вылезал длинный молодой человек. Он, пошатываясь, остановился на одном месте, презрительно оглядел промысловую городьбу и даже свистнул.

— Это какое-то воронье гнездо, черт возьми... — заплетавшимся языком проговорил он, направляясь в дом. — А где папахен?..

«Бедняжка пьян, как сапожник...» — в ужа-

се думала Капитолина Марковна, стараясь спрятаться у забора.

Но молодой человек уже заметил ее, приободрился и, подмигнув, проговорил:

— Эй, вы, полудевица, у этиль мон пер?..
[1]

Капитолина Марковна, поступившись своим достоинством единственной промысловой дамы, бросилась бежать, как облитая водой горничная, а молодой человек весело хохотал ей вслед.

— Какая-то дура... — бормотал он, около стенки пробираясь в дом.

Когда Капитолина Марковна перевела дух, ей вдруг сделалось жаль таинственного незнакомца. Она с женским инстинктом поставила себя на место этого папахена и нарисовала бойкую картину родственной встречи. Это чисто женское чувство еще больше сблизило ее с ним, и Капитолина Марковна считала себя до известной степени посвященной в грустную семейную тайну, а такие вещи налагают свои обязанности. Когда она вернулась в комнату, Михайлов пытливо посмотрел на нее и едва заметно пожал плечами. О,

они отлично понимали друг друга без слов!

Когда партия кончилась, Михайлов подошел к ней и спросил:

— Видели?

— Да...

Он немного театральным жестом, как это делают на сцене благородные отцы, прижал надушенный платок к глазам и отвернулся, чтобы «скрыть слезу», как объяснила это движение Капитолина Марковна.

Однажды Михайлов выходил от Чикова поздно вечером. Старик провожал его на крыльцо и, когда таинственный незнакомец скрылся, схватил себя за волосы.

— Дурак... старый дурак!.. — стонал он от бессильной ярости.

Не он ли, Чиков, ругал Михайлова по всем промыслам, а теперь... Нет, это сон, дьявольское наваждение... Чтобы проверить себя, старик еще раз при огне пробежал только что написанный вексель: «Я, купеческий брат Иван Семенов Михайлов, повинен по сему векселю заплатить купцу первой гильдии Антону Евграфычу Чикову или кому он прикажет десять тысяч рублей... Деньги сполна получил». Десять тысяч!.. Нет, это ужасно... Где же были у него глаза? Самый подозрительный человек, и вдруг вырвал целый капитал, да еще как вырвал: пришел точно в свой сундук. «Все сидели, разговаривали, а потом как-то так, само собой...»

Чиков не спал целую ночь и рано утром побежал к Скотту, который копался в своем

садике. Капитолина Марковна вставала поздно, и доктор богословия пользовался в эти немногие часы полной свободой. Старик едва добрался до скоттовского садика, оперся грудью на загородку и, указывая рукой на квартиру Михайлова, проговорил всего одно слово:

— Разбойник...

Скотт не повернул даже лица, продолжая копать в свежей грядке. Это был невозмутимейший немец, каких только производил свет в прежние времена. Его безучастие несколько расхолодило Чикова.

— Ему нож в руки да на большую дорогу...

— Зачем?.. — отозвался Скотт, поднимая наконец свои белые глаза на Чикова. — Он у меня тоже взял деньги, и я считаю его порядочным человеком. Капитолина Марковна тоже...

— А много денег?

— Да все, какие были... Ему очень нужны деньги.

Чиков вдруг захохотал. Чужие глупости хотя и не делают нас умнее, но служат иногда прекрасным утешением. О своей ошибке ста-

рик, конечно, ничего не сказал, а сейчас же полетел в город, чтобы навести о Михайлове необходимые справки. До города было с лишком четыреста верст, но все равно: нужно было съездить по другим делам. Вернулся из города Чиков темнее ночи и сейчас же побежал к Скотту, который опять копался в своем садике.

— Поздравляю вас: Михайлов — шулер и жулик! — кричал старик, размахивая руками. — Что, хорошо?

— Капитолина Марковна уверена... наконец, есть вексель... — бормотал доктор богословия.

— У меня тоже вексель, да черт ли в нем?!

— Так и вы давали ему денег?..

— Я?.. Нет... это так... случайно попался его вексель. Ну, я навел справки. Мошенник...

— О-о!.. неужели?..

— И вы ничего с него не получите... да!..

— Капитолина Марковна...

— Послушайте, Скотт, вы ничего не говорите про наши векселя... понимаете? Пожалуйста, еще просмеют... А я сгонял в город и посоветовался с адвокатами: дело верное, и

только не нужно пропускать срока. Понимаете?.. Как выйдет срок, мы этого подлеца и накроем... Денег у него, конечно, нет, а все-таки дом, паровая машина, фортупьяны, золотые часы — мало ли что наберется по домашности. С паршивой собаки хоть шерсти клок...

— О, я согласен!..

— А в это время пусть он оберет других: Охапенко, Касаткина, Чистых... Так я говорю? А то один срам.

— Гросс-скандал...

— Главное, молчите.

— О, я умею молчать!

Этот маленький заговор серьезных последствий иметь не мог по той простой причине, что у остальных золотопромышленников, взятых вместе, была дыра в горсти. Но это не помешало Касаткину ответить вполне галантно:

— В самом непродолжительном времени, Иван Семенович, я надеюсь ссудить вас кругленькой суммой, а теперь, по французской поговорке, я, как самая красивая девушка, не могу дать больше того, что сам имею...

— Благодарю вас... Мы отлично понимаем

друг друга, — отвечал Михайлов, пожимая обе руки будущего миллионера. — У меня предвидятся тоже большие получения в самом непродолжительном времени, и вы позволите мне предложить вам мои услуги... Услуга за услугу, не правда ли?..

Паровая машина весело попыхивала клубами белого пара; из шахты № 6 бойко лилась откачиваемая вода, строилась новая казарма для рабочих, подвозились бревна, крепи и чурки — одним словом, работа кипела. Сам Михайлов занят был дома своими сметами, счетами, планами и корреспонденциями, а на месте действия похаживал в щегольских лакированных ботфортах его сын Левушка, тот самый молодой человек, который явился на промыслы в таком веселом настроении. Он быстро освоился со всей приисковой обстановкой и старался придать своему испитому лицу деловое выражение. Это не мешало ему каждый день к вечеру напиваться самым исправным образом, а для развлечения Левушка разъезжал по приискам на сивом иноходце и не пропускал мимо ни одной толстой крестьянской девки. Касаткин был от него в

восторге: Левушка бывал в Париже, Вене, Флоренции и сыпал такими анекдотами, от которых покраснели бы его сапоги, если бы и у них были уши.

— Я скоро уеду в Берлин, — сообщал Левушка своему другу с ребячьей болтливостью. — У папахен с Берлином большие дела... Да, вот город: какой-то знаменитый путешественник сказал, что статуя Германии на памятнике победы — единственная честная девушка в Берлине. Не махнуть ли нам туда вдвоем?..

— Погодите немного, Левушка: я покажу всем, что такое Касаткин... да. Но я предпочитаю уехать в Париж... И французскую грамматику уж приобрел, а там увидим.

— Да ведь в Париж дорога через Берлин!

Слухи о таинственном незнакомце шли со всех сторон все хуже и хуже: оказалась и обобранная старушка, и бронзовые векселя, и какая-то темная история со второй женой, найденной на квартире с перерезанным горлом, и еще более темная история в одном из столичных клубов, причем сильно пострадала наружность самого героя, и т. д. Эти известия

проникали на Симские промыслы никому неизвестными путями, приводя всех в ужас, точно к ним проникла зараза вроде чумы. А главное — теперь всем было ясно, зачем таинственный незнакомец появился на Симских промыслах: выгнанный отовсюду, он хотел здесь поправить свои дела скупкой краденого золота. Конечно, скупали его и другие, но здесь чувствовалось что-то уж очень смелое и грандиозное, и одно появление Михайлова в обществе заставляло всех умюлкать, переглядываться и кашлять в руку.

— Необходимо принять меры... — повторял Охапенко, сдвигая брови, как старый кот. — Он нас погубит.

Все были согласны относительно такого оборонительного положения, и только отмалчивался один Чиков: старик только ухмылялся себе в бороду. Вексель Михайлова лежал у него в кармане, и каждый новый день приближал неудержимо к роковой развязке: посмотрим тогда, что будет с шахтой и паровой машиной, и с фортепьяно, и с фальшивыми брильянтами. Дело было верное, и вывернуться из него не представлялось ни малей-

шей возможности. А Михайлов все занимал и занимал деньги и сорил ими, как только умеют сорить люди, привыкшие жить на чужой счет.

Лето перевалило на другую половину, трава начала желтеть, и близилась осень с ее грязью, дождем и длинными темными вечерами. Что-то тогда будет делать таинственный незнакомец?.. О последнем часто задумывалась Капитолина Марковна, вообще большая охотница до чужих дел. В самом деле, что тогда будет?.. Теперь она уже не боялась стоявшего безмолвно рояля: пусть его стоит, как стоит много никому не нужных вещей. Таинственный незнакомец мог поставить в свою квартиру митральезу, и Капитолине Марковне было бы все равно: она помирилась вперед со всеми причудами Михайлова. Раз только пьяный Левушка попробовал было открыть рояль и фальшиво заиграл на нем что-то среднее между шансонеткой и страусовским вальсом, но в это время в комнату вошел Иван Семеныч, молча закрыл рояль и так же молча спрятал ключ от него к себе в карман. Единственным свидетелем этой

немой сцепы был исправник Касаткин, но он ничего не мог объяснить, потому что был пьян, как сорок сапожников вместе.

IV

А дела таинственного незнакомца были плохи, настолько плохи, что всякий другой порядочный человек на его месте по крайней бы мере повесился. Шахта ничего, кроме убытков, не давала, Левушка пьянствовал, кредита не было, и недавние партнеры бежали от него, как от чумы. Где было можно занять или выиграть в карты — было занято, выиграно и прожито. Чтобы поправить свои дела, Иван Семеныч отправлялся время от времени в таинственные экскурсии и возвращался с деньгами. Правда, он несколько времени был болен после каждого такого путешествия, а раз даже вернулся с завязанным глазом, но все это было ненастоящее, как и сам таинственный незнакомец. По наведенным справкам оказалось, что он ездил в город, где в одном картежном притоне разыгрывал роль приискового набоба и, кстати, успел обыграть двух местных адвокатов, загулявшего сибирского купчика и старого самодура.

Покупка краденного с чужих приисков зо-

лота шла своим чередом, но на это никто на Симских промыслах не обращал внимания, как на самое заурядное дело: все этим занимались, следовательно, отчего было не заниматься и Михайлову. На всех промыслах повторялась одна и та же история, а таинственный незнакомец вел свои дела так ловко и тонко, что даже его заклятые враги должны были платить ему известную дань уважения, как умному и оборотистому человеку. Что ж, дело житейское, а умному человеку и бог велел приобретать...

Но этого было мало. Осенью, когда летние работы уже прекращались, Симские промыслы были подняты на ноги неслыханной вестью. Дело в том, что Иван Семеныч разведal какими-то путями все плутни симских золотопромышленников относительно аренды промыслов, владенных записей и разных крепостных актов на землю под фирмой обыгранных им двух адвокатов и предъявлял к ним громадный гражданский иск. Этого хода никто не ожидал от таинственного незнакомца. В лучшем случае всем грозило полное разорение. До сих пор как-то никто даже и не

думал о незаконности существующего порядка, а тут вдруг выплыла на свет божий целая серия гражданских правонарушений. Всего обиднее в этом деле было то, что в нем оказалась замешанной Капитолина Марковна. Да, в этом последнем никто больше не сомневался, потому что исправник Касаткин своими глазами видел на руке Левушки кольцо Капитолины Марковны с редкой восточной бирюзой. Если такая измена была открыта в своем собственном лагере, то чего же было ждать от других...

— Она нас погубила! — кричал Чиков, рвавший на себе волосы. — И нашла человека: пьяный Левка соблазнил... Баба она, баба и будет. Всех продала...

— Мало ее повесить, — вторил Касаткин.

Безмолвствовал один Охапенко, относившийся ко всем женщинам как к межеумкам, да молчал сам доктор богословия Скотт, потому что он в качестве гражданского мужа должен был узнать горькую истину все-таки последним. Впрочем, его молчание объяснилось одним обстоятельством, про которое еще никто не знал: Иван Семеныч выдвинул против

симских золотопромышленников противной стороной барона фон Флигель, его соотечественника и старого знакомого. Михайлов действовал не от своего имени, и его, доктора богословия, могли заподозрить в сообщничестве — это по меньшей мере. Сам по себе барон фон Флигель являлся полной ничтожностью и принадлежал к категории тех скорых на руку остзейских баронов, которых ссылают в Сибирь за убийство кучеров, садовников и нарушителей баронских прав. Фон Флигель тоже в кого-то стрелял и был послан прохладиться за Урал. Михайлов выдвинул его как мишень и очень ловко создавал крупное дело под прикрытием широкой баронской спины. Даже заподозренная в измене Капитолина Марковна ничего не подозревала, занятая чисто женской идеей спасти погибавшего Левушку; конечно, Левушка пил ужасно, но он был совсем не злой человек и постоянно раскаивался в своем поведении. Кольцо она действительно подарила ему, но это не имело никакого дурного значения: кольцо было залогом того, что Левушка исправится. К толкам и пересудам своих приисковых друзей Капито-

лина Марковна относилась совершенно равнодушно: поговорят и перестанут.

Истина открылась, когда на прииски приехал сам барон фон Флигель и с ним оба адвоката. Михайлов устроил им княжескую встречу и держал себя настоящим хозяином всех промыслов, что привело в смятение остальных симских золотопромышленников. Гости что-то меряли, ставили какие-то таинственные межевые знаки и вообще имели самый деловой вид, как люди, явившиеся исполнить печальную, но неизбежную операцию.

— Что же это будет? — с ужасом спрашивали друг друга застигнутые врасплох золотопромышленники. — Ведь это дневной грабеж.

Молчал теперь один Чиков. Старик знал, что нужно делать. Срок векселя истекал, и, когда гости уехали, он отправился к Михайлову. «Посмотрим, как ты теперь вывернешься», — думал он дорогой, помахивая палкой, без которой не выходил из дому. До квартиры Михайлова было рукой подать, и, чтобы не обращать на себя внимания, старик отправился пешком. Когда он уже подошел к крыльцу, вылетевшие в форточку окна аккор-

ды заставили его остановиться.

— Вот тебе раз, — пробормотал он.

Кто-то так бойко и весело играл на молчавшем до сих пор рояле, и это ничтожное обстоятельство смутило Чикова: в этом проклятом доме были вечные неожиданности. Сам Иван Семеныч никогда не играл, а Левушка прошел еще утром к Капитолине Марковне... Когда старик вошел в переднюю и кашлянул, из залы к нему навстречу вышла молодая белокурая девушка.

— Вам, вероятно, нужно папу? — приветливо спросила она. — Пожалуйте сюда, а он сейчас выйдет...

— Да я по делу, сударыня... — бормотал Чиков, пряча веки в кулак. — Не беспокойтесь.

— Папа мне говорил, что ждет вас... Если не ошибаюсь, вы Антон Евграфович Чиков?

— Точно так, сударыня... А вы дочкой Ивану-то Семенычу приходитесь?

— Да... Приехала погостить к отцу.

Она была такая свежая и цветущая и смотрела таким счастливым, сияющим взглядом! Простенькое ситцевое платье сидело на ней

как перчатка; пепельно-серые волосы, небрежно собранные на затылке, открывали точеную белую шею, а маленькие мягкие руки так тепло пожали заскорузлую воровскую лапу Чикова! Это была настоящая барышня, какой старик еще не видал. Он, как ястреб, уставился теперь на два брильянта, горевшие каплями утренней росы в маленьких розовых ушах молодой хозяйки.

— Вот так красота... — вслух подумал старик и сам испугался собственной смелости.

Красавица только улыбнулась, и Чиков почувствовал, что в комнате точно сделалось светлее от этой улыбки, а у него, в глубине его ястребиной души, поднялось еще небывалое и такое хорошее молодое чувство. Он плохо помнил, как она его усаживала в гостиной на мягкий голубой диванчик, как щебетала и опять улыбалась. Так приветливо и хорошо улыбалась...

— На музыке-то сыграйте, сударыня, — просил Чиков, набираясь смелости. — А тятеньку мы подождем.

Она не заставила себя просить и непри-
нужденно заняла свое место за роялем. Из-

под розовых маленьких пальцев опять вырвались эти смелые, уносившие вдаль звуки, точно вся комната наполнилась невидимым роем веселых птиц. Чиков даже закрыл глаза от удовольствия и очнулся только тогда, когда Иван Семеныч положил ему свою руку на плечо и ласково проговорил:

— Оничка, будет... У нас есть серьезное дело с Антоном Евграфовичем. Иди и приготовь нам закусить.

Когда Чиков вышел на крыльцо, чтобы идти домой, он долго стоял на одном месте и задумчиво качал головой. Вслед ему призывно рвались те же звуки — Оничка опять играла на рояле. Теперь Чиков уже не рвал на себе волос, как в первый раз, а как-то равнодушно вынул из кармана переписанный вексель и махнул рукой. Вместо того, чтобы протестовать его, он переписал и еще прибавил пять тысяч. Вот так устроил штуку...

«Какое же это имя, Оничка... — думал он, надевая шапку. — Должно полагать, по-нашему выйдет Анисья... Так-с, Анисья Ивановна. Вот так фунт!..»

Положение золотопромышленников на Симских промыслах становилось все хуже. Не нужно было особенной проницательности, чтобы предвидеть развязку: им ничего не оставалось, как уходить с насиженного места. Иван Семеныч затянул их мертвой петлей. Поднятый им процесс в интересах еще более таинственного барона фон Флигель являлся последним звеном в цепи общих злоключений. Через какой-нибудь год Симские промыслы сделались неузнаваемы, и царившие здесь царьки сидели по своим домам, повесив носы.

— Уходить надо... — повторял полковник Охапенко. Касаткин был с ним согласен, а остальные молчали. Капитолина Марковна более не участвовала в этих советах, как лицо, скомпрометированное подозрительным сближением с Левушкой. Она относилась теперь ко всему совершенно равнодушно. Загадочнее всего было то, что у Ивана Семеныча деньги не переводились: шахта работала, приезжали какие-то гости, Оничка весело иг-

рала на рояле. Старик Чиков никуда больше не показывался и наглухо закрыл все окна, чтобы не слышать предательской музыки.

Когда общее натянутое положение достигло последней степени и оставалось только выбрать день позорного общего бегства, над Симскими приисками разразился необыкновенный случай: Левушка застрелился. Блудный сын захватил у отца какие-то деньги, прокутил их в городе и, вернувшись на промыслы с пустыми руками, застрелился. Его холодный труп нашли в сосновой роще, недалеко от шахты.

— Так и нужно!.. — вырвалось у врагов Ивана Семеныча.

Иван Семеныч горько оплакивал самоубийцу, еще сильнее плакала Оничка. Единственной утешительницей их являлась Капитолина Марковна, которая теперь живмя жила в доме Михайлова. Левушка был единственным сыном и унес с собой все фамильные надежды. Озлобление симских золотопромышленников и их глухое злорадство делали это горе слишком одиноким, точно оно заперлось в четырех стенах.

— Левушка был такой добрый, — вздыхала Капитолина Марковна, сосредоточившая свою нежность на Оничке. — Его не умели ценить. Конечно, у него были свои недостатки, но стоило поддержать, уговорить — и ничего бы не было. Ах, столько злых людей на свете!

Любящая душа Капитолины Марковны окружила память блудного сына целым ореолом из непроявленных им достоинств. Иван Семеныч сильно горевал и все запирался в своем кабинете. Оничка ходила с заплаканными глазами и дала себе слово не прикасаться к роялю. Это семейное горе не находило только отклика в душе симских золотопромышленников, которые начали подымать головы. Иван Семеныч ничего не делал, и для них не все еще погибло. О, нужно ловить время и столкнуть задумавшегося врага в первую яму!.. Так ему и нужно, этому проклятому таинственному незнакомцу. Пусть Капитолина Марковна оплакивает своего любовника, а они знают, что им делать.

Это шел уже третий год, как Михайлов поселился на промыслах. Стояло лето, самое горячее время. Зброшенные работы начали

оживать. По вечерам у Касаткина происходили таинственные совещания, а Иван Семеныч все сидел в своем кабинете и не хотел ничего знать. Его видали только на могиле Левушки, куда он отправлялся каждый вечер. Но и это проявление отцовского горя нисколько не растрогало симских золотопромышленников, не веривших ни одному шагу таинственного незнакомца, точно можно было подделать самое горе, как подделывались карты, брильянты и векселя. Общая фальшь нарушалась только присутствием Онички, про которую трудно было сказать что-нибудь дурное.

— Да она не дочь ему, ей-богу, — серьезно уверял Касаткин с апломбом человека, привыкшего производить дознания. — Что угодно, но только не дочь.

— Ну, уж ты, кажется, того... — бормотал Охапенко. — Отчего же Ивану Семенычу не иметь дочери?

— Дочь, да не такую ему нужно.

Оничка обезоруживала своим трауром и плерезами. В память Левушки она теперь помогала бедным, ухаживала за больными и окружила себя чумазыми приисковыми ребя-

тишками, которых начала учить грамоте. Она не боялась обходить самые крайние землянки, где в кротовых норах скрывалась отчаянная приисковая голь, и везде ее появление было лучом солнечного света. Единственное развлечение, какое позволяла себе девушка, — это прогулка верхом. Она ездила одна, и полковник Охапенко с удовольствием наблюдал за ней потихоньку, из-за косяка: хорошо ездила эта Оничка, черт возьми! Правда, и лошадь у ней была отличная, хорошей английской выездки, но и на хороших лошадях ездят скверно, а старый полковник знал цену этому искусству. Если бы не общее ожесточение против Ивана Семеныча, он показал бы, как нужно кавалеру ездить с такой амазонкой. Старик даже подтягивался и надувал грудь, как старый петух.

— Гоп, гоп, гоп! — повторял Охапенко, провожая глазами галопировавшую Оничку, и отбивал такт рукой. — Отлично, гоп! Превосходно...

Иван Семеныч тоже любовался потихоньку на дочь и делился своими восторгами с одной Капитолиной Марковной, сделавшейся

своим человеком в его доме. Эта оригинальная и немножко эксцентричная по-приискскому дама очаровывала его своей преданностью и тем запасом нежности, какую она вносила с собой, — сказывалась вечно жаждавшая привязанности хорошая женская душа. Капитолина Марковна с глазу на глаз с Иваном Семенычем фамильярно называла Оничку «наша принцесса».

— И точно она мне родная дочь, — несколько раз повторяла Капитолина Марковна и тяжело вздыхала. — Ночью, и то о ней думаю, Иван Семеныч.

Разговоры об Оничке доставляли таинственному незнакомцу видимое удовольствие, и он раз даже поцеловал у Капитолины Марковны руку, что сильно смутило единственную приискскую даму.

Осенью, когда наступили первые заморозки, Оничка каталась верхом каждый день и возвращалась домой такой розовой, сияющей здоровьем и всеми красками нетронутой молодости. Это было опьянение от избытка сил. Раз она вернулась особенно веселая. Глаза так и блестели, грудь поднималась высоко, а по

лицу розовой тенью переливался румянец.

— Так немного осталось хороших дней, — с сожалением говорила Оничка, целуя Капитолину Марковну. — Нужно пользоваться временем... Наступит зима — и сиди в четырех стенах.

— Кожа сухая у вас, Оничка, — заметила Капитолина Марковна, ощупывая руки девушки. — И голова как будто горяча.

— Пустяки...

Оничка так весело засмеялась, что было бы глупостью думать о какой-нибудь болезни. Но к вечеру у ней открылся жар и легкая боль в горле. Капитолина Марковна не сочла нужным беспокоить Ивана Семеныча, надеясь обойтись домашними средствами. К утру у больной открылся бред, и в голове Капитолины Марковны мелькнула страшная мысль о дифтерите.

— Посылайте нарочного в город за лучшим доктором, — предупредила она Ивана Семеныча. — Помощь необходима самая энергичная.

Таинственный незнакомец смотрел на нее широко раскрытыми глазами и ничего не по-

нимал: Оничка вчера каталась верхом, она такая была веселая целый вечер — какой же тут доктор? Какие-нибудь пустяки. Но мысль о возможности потерять Оничку навела на него столбняк. До сих пор он как-то никогда не думал об этом, и потом разве она, Оничка, может умереть?

— Я сама распоряжусь... — решила Капитолина Марковна. Девушка лежала в своей комнате с закрытыми глазами.

Когда вошел отец, она тяжело раскрыла веки и как-то равнодушно посмотрела на него. Таинственный незнакомец весь похолодел от этого взгляда: она не узнала его.

— Оничка...

Он хотел что-то сказать, обнять ее, своими поцелуями разогнать сгустившуюся над милой головкой тучу, но зашатался на месте и едва вышел из комнаты.

Остальное все происходило как в тумане. Оничка больше не вставала. Приехавший доктор осмотрел ее и покачал головой. Потом Капитолина Марковна что-то такое говорила ему... а дальше? В зале красным пламенем горели похоронные свечи, в переднем углу сто-

ял белый шелковый гроб, а в нем лежала Оничка, скошенная дифтеритом в три дня. Чужие руки заставляли его закрывать ей глаза; эти же руки ставили его у гроба, когда шла похоронная служба, и, наконец, они же сунули ему заступ, чтобы бросить последнюю горсть земли в свежую могилу, отнявшую у него все. Он не плакал, не жаловался, не волновался, а смотрел кругом с удивлением постороннего человека, случайно попавшего на похоронную церемонию. Кругом него толпились знакомые лица его заклятых врагов: тут был и старик Чиков, и Касаткин, и Охапеико.

— Теперь все? — спросил Иван Семеныч, когда над могилой выросла свежая кучка земли.

— Пойдемте домой... — ласково шептал голос Капитолины Марковны. — Нужно отдохнуть, Иван Семеныч.

«Домой... отдохнуть... да что такое отдохнуть?..» Иван Семеныч потер себе лоб и вздохнул. Около него была другая рука и тоже ласково, с женской нежностью старалась увести его. Обернувшись, Иван Семеныч узнал старика Чикова, а за ним стояли Охапенко и Ка-

саткин. Недавние враги теперь старались не смотреть на Ивана Семеныча, как виноватые. Взглянув на них, Иван Семеныч что-то смутно припомнил и горько улыбнулся: это сожаление врагов сделало еще глубже его собственное горе, и он глухо простонал: «Оничка... милая, дорогая Оничка!».

Они проводили его домой, где стараниями Капитолины Марковны устроен был поминальный обед. Эта тяжелая церемония смягчилась тем вниманием, каким все время был окружен таинственный незнакомец. Скотт распоряжался по хозяйству, как друг дома. Когда поданы были поминальные блины, Чиков отвернулся и потихоньку вытер слезы. Эх, не Оничке бы умирать, а ему, старику... Это движение не ускользнуло от Ивана Семеныча — он нахмурился, оглядел своих гостей и еще в первый раз зарыдал. Крупные слезы катились по щекам и падали на тарелку, но он не закрывал лица, облегченный этим припадком.

— Иван Семеныч, бог с вами, — шептали голоса. — Все мы под богом ходим... Конечно, жить бы, радоваться Анисье Ивановне надо

было, да только и там, видно, хороших людей тоже нужно.

На мгновение, всего на одно мгновение в этих людях проснулось то совестливое и хорошее чувство, которое делает человека человеком. Нераскаянные грешники, до краев преисполненные всякой неправдой, точно почувствовали невидимое присутствие чистой души, которая пронеслась над их головами, как дыхание весеннего ветра... А Иван Семеныч все рыдал и рыдал, неутешно и горько, как ребенок, просветленный своим отцовским горем. Старик Чиков тоже плакал, а другие смущенно кусали губы, стараясь удержаться.

— Неужели ей нужно было умереть, чтобы... чтобы... — шептал Иван Семеныч, тронутый этим сочувствием. — Нет, она не умерла... Это вздор! Я не хочу... я не могу... Она здесь... я это чувствую.

* * *

Таинственный незнакомец остался на Симских приисках навсегда, прикованный к этому роковому месту дорогими для него могилами. Он так страдал и мучился, что его враги, желавшие ему всякого зла, теперь уха-

живали за ним, как за ребенком. Из здорового, краснощекого мужчины в полгода он превратился в седого старика и едва ходил, опираясь на палку.

— Она здесь, она с нами... — повторял он, часто прислушиваясь к незаметному для других шороху.

1888

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликован в газете «Саратовский листок» 1888, No№ 264, 265, 267, 270. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 г. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. IV, М., 1905. Рукопись (с пометой: «1888 г.») хранится в Свердловском областном архиве.

Примечания

Где мой отец? (франц.).

[^^^]